

В весеннем небе столько звезд,
Что я до дома самого
Вести бы мог челнок.

Джон Стрэйли¹

¹ Аляскинский писатель и поэт.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПАХИ ЧУЖИХ ДОМОВ

РУФЬ

Однажды я перестала ждать, что мама вернется. Сложно оставаться верной мечте пятилетней девочки, а вспомнить лицо человека, пропавшего десять лет назад, еще сложнее. Но я не переставала надеяться, что где-то есть место получше Берч-Парка. И жизнь получше жизни с бабушкой.

В шестнадцать лет мне казалось, что Рей Стивенс точно лучше всего этого. Его отец был частным детективом, а еще он сопровождал охотников в лесу. Его семья только что построила дом на берегу озера, где был припаркован их личный гидросамолет, а зимой они могли доехать на снегоходе от своего порога до самого Муз-Крика¹.

¹ Вероятно, маленький городок на Аляске.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Дом Стивенсов был построен из свежесрубленного кедра. Им пахла одежда Рея, и я чихала, стоило мне приблизиться к нему, но все равно держалась рядом.

Запах кедра — это запах вечеринок школьной команды пловцов дома у Стивенсов и фотографии Ричарда Никсона, большой, двадцать на двадцать пять, которая висела у них в гостиной. Запах кедра — это запах республиканцев. Он сопровождал меня, пока я украдкой пробиралась из комнаты старшей сестры Рея (Анна тоже плавала в моей эстафетной команде; я подружилась с ней нарочно) в комнату Рея, где заползала на двухспальную кровать напротив раздвижных стеклянных дверей с видом на озеро. Много ли шестнадцатилетних парней могли похвастаться двухспальной кроватью? Думаю, только один — у него были кудрявые светлые волосы, выцветшие из-за хлорки в бассейне, и спал он на простынях, пахнущих кедром и стиральным порошком Tide. Он был лучшим прыгуном в воду во всем штате, а я всего лишь плавала в дурацкой эстафетной команде, и все-таки он меня заметил. Мы почти захлебывались в смеси наших запахов: хлорки и неопытности — угадайте, который из них мой?

Он уже научил меня целоваться по-французски, и я предвкушала то, что может случиться дальше. Я была католичкой, от меня несло чопорностью, а не распушенностью. Поэтому он обещал, что ничего страшного не сделает, а только тихонько потрогает меня, и то не везде, чтобы по возвращении домой меня не выдал запах. Дома пахло плесенью от подержанной мебели. Или это был запах вины и греха?

В доме у Стивенсов все было новенькое, будто только что доставили на самолете из внешнего мира,

и не было никаких правил. Ворс на оранжевом ковре был такой густой, что утром я, наступая на свои же следы, возвращалась в комнату к Анне, будто там и провела всю ночь.

В команду по плаванию я вступила только потому, что с балетом не вышло. Бабушка говорила, что любые танцы — это скользкая дорожка, которая ведет напрямиком к тщеславию. А хуже гордыни нет ничего. Мы с Лилией понемногу расплачивались за грех. Прятали табели с хорошими оценками, пропускали комплименты мимо ушей и старались не высовываться. А потом еще расплачивались за это самое тщеславие на исповеди по воскресеньям: «Прости меня, Господи, ибо я согрешила. Сегодня я улыбнулась себе в зеркале».

Я правда так сделала. Один раз. Я так себе понравилась, что улыбнулась отражению и принялась кружиться и пританцовывать, как будто держала весь мир в своих шестилетних руках. Я собиралась на первое занятие по танцам, на мне была прелестная розовая пачка, а длинные светлые волосы доходили аж до попы. Мои волосы были такие густые и длинные, что стоило мне помотать головой из стороны в сторону, как они начинали приятно шуршать, соприкасаясь с сетчатой тканью пачки. Это была та самая пачка, которую привез папа. Такую нельзя было купить даже в Фэрбанксе¹, и я думаю, бабушка не знала, что в этой пачке есть что-то особенное, иначе она никогда не позволила бы мне обладать вещью, которой не было у других девочек. Я была

¹ Один из крупнейших городов Аляски, расположенный в центре штата.

в полном восторге. Помню, когда подошла к дверям школы танцев, там стояла Элис с мамой. На Элис был черный гимнастический купальник и однотонные розовые колготки. Готова поспорить, что ей стало завидно, когда она, придержав дверь, чтобы я прошла, увидела мою пачку и когда ее мама сказала:

— Какие у тебя чудесные длинные волосы, я еще ни у кого таких не видела.

— Знаю, я вообще вся прехорошенькая, — не раздумывая ответила я.

Мама Элис улыбнулась мне, но вдруг ее лицо приняло совсем другое выражение. В тот же миг бабушка схватила меня за руку и затащила внутрь. Я даже не успела задуматься, что же я такого неправильного сказала. Бабушка отвела меня в туалет и прошипела сквозь зубы:

— Так ты думаешь, что особенная, да?

Она вынула из сумки ножницы с оранжевыми ручками, наверное, всегда носила их с собой на тот случай, если произойдет что-то подобное. Ножницы были похожи на птицу с железным клювом. Очень громкую. Я до сих пор слышу звук, с которым эта дикая птица срезала мои волосы. Бабушка вывела меня из туалета и заставила встать на место, которое мисс Джуди пометила на полу кусочком клейкой ленты. Никто не смотрел на меня открыто, но на каждой стене висело зеркало, так что я видела, как девочки исподтишка посматривают на меня. А еще видела свои волосы, торчащие во все стороны, будто по голове прошлись газонокосилкой. Больше локоны не шуршали по пачке. На второе занятие я не пошла. А бабушка никогда об этом дне не упоминала.

Но я не забыла про это и спустя столько лет понимала, что если поймала за хвост удачу в виде богатого популярного парня, да еще и если его семья тебя полюбила, — тебе остается только затаить дыхание и надеяться, что все это продлится подольше. А еще никогда-никогда не хвастаться и не быть о себе высокого мнения.

Поэтому я стащила у Рея белую футболку и хранила ее под подушкой, представляя, что и мой мир может заполнять запах кедра. Никто ничего не заподозрил, ведь треск, с которым тараканы жителей Берч-Парка грызли крекеры, заглушал все вокруг. А я тем временем старалась не высовываться, пусть все ошибки совершает Лилия.

— А Банни сказала, что мы бедные, — заявляет Лилия, когда они с этой самой Банни, ее лучшей подружкой, с шумом вваливаются в дверь вместе с потоком холодного воздуха. Они кидают варежки и комбинезоны в одну большую кучу и, сбивая друг друга с ног, торопливо стягивают ботинки, чтобы не опоздать к ужину.

Бабушка разогревает остатки обеда католической социальной службы. Она подрабатывает машинисткой у архиепископа, так что мы вне очереди получаем еду, оставшуюся после их мероприятий. Сегодня ее принес отец Майк собственной персоной, заявился в своем всегдашнем белом воротничке, который не дает ему свободно дышать.

У нас в гостях Сельма, и мы вместе накрываем на стол. Я вижу, как бабушка смотрит на еду, размышляет,

хватит ли ее, чтобы накормить два лишних рта. Она тянется за банкой с надписью Spam.

— Я не говорила, что вы бедные. Я сказала, что вы живете хуже, чем мы с Дамплинг, — говорит Банни. Дамплинг — ее старшая сестра.

Я вижу, что бабушка вздыхает — явный признак того, что мы «загоняем ее в могилу». Мы постоянно этим занимаемся, особенно Лилия, которой теперь в этом деле помогает и Банни. Бабушка говорит, что, если бы ей не нужно было о нас заботиться, она осталась бы еще молодой женщиной. Я смотрю на ее обвисшую грудь и опускаю взгляд на запеканку с тунцом. Бедная Лилия, в запеканке снова горошек.

— Где же вы так разбогатели? — спрашивает Лилия Банни, пока они толкаются у раковины, сражаясь за кусок мыла фирмы Joy.

— На рыбалке, — отвечает Банни, — мы ловим лосось тоннами.

— Моя двоюродная сестра уезжает на рыбацкую тоню¹ каждое лето, — подхватывает Сельма. — Вообще лосось ее не слишком интересует. Кстати, Лилия, я уверена, что Элис уступит тебе свое место: ей бы *о-о-о-чень* не хотелось рыбачить этим летом.

Двоюродная сестра Сельмы — та самая Элис с рокового танцевального занятия. Это ее мама сказала, что у меня красивые волосы.

— Не хочу я промышлять рыболовством и жить на вонючей старой лодке, — отвечает Лилия, приняв оскорбленный вид. — Вот бы поехать в рыбацкий лагерь, куда ездят Банни и Дамплинг, недалеко от их деревни.

¹ Рыболовный участок.

— Ага, — подтверждает Банни, — наша тоня за популярным кругом. Всю ночь мы стучим в барабаны и танцуем, а потом расстилаем спальные на еловых лапах и можем валяться хоть до полудня. Мы с Дамплинг стреляем по мышам из духового ружья, а еще жарим сердце лосося на костре. Это вкуснее, чем маршмеллоу! — Она потирает живот и демонстративно облизывается.

Я лучше умру, чем стану есть печеное сердце лосося. Банни хвастается, и я бросаю взгляд на бабушку, чтобы понять, задело ли ее это. Она слишком сосредоточенно раскладывает еду по тарелкам. Думаю, чужим детям можно хвастаться, если уж им так хочется. Лилии стоит быть осторожнее, как бы она не заразилась гордыней.

— А там есть майонез? — спрашивает Лилия.

Она ужасная привереда в том, что касается еды.

— Лилия, — говорит бабушка таким голосом, что та понимает: майонез — самая меньшая из ее проблем. — Прочти молитву.

— Благослови-Господи-нас-и-дары-твои-которые-по-твоим-щедротам-мы-будем-вкушать-через-Христа-Господа-нашего-аминь-а-почему-у-нас-нет-рыбацкой-тони? — выпаливает Лилия на одном дыхании.

Мы с Сельмой смотрим друг на друга круглыми глазами. Лилия постоянно ноет, что у всех, кроме нас, в Берч-Парке есть тоня. Но сейчас, сказав это в присутствии Банни, она поставила бабушку в непростое положение. К тому же сразу видно, что обе девчонки совершенно бестолковые. Им обеим уже по одиннадцать, в этом возрасте пора бы знать границы.

— У нас нет рыбацкой тони, потому что мы не автохтоны, — говорит бабушка, глядя в тарелку.

— А я не автохтон, я из атабасков¹, — возражает Банни.

Мы с Сельмой прыскаем от смеха.

— Что смешного? Она из атабасков, — вступается Лилия. — Автохтоны — это люди вроде мамы Доры, они весь день просиживают в баре и слишком пьяные, чтобы даже думать о рыбалке.

— Довольно, — произносит бабушка и с такой силой ударяет Лилию по руке, что та разжимает пальцы, а ее вилка подскакивает и со звоном падает на стол.

— Хватит болтать, ешьте то, что нам так любезно принес отец Майк.

Лилия усердно выковыривает горошек из запеканки. Ее щеки горят.

Обычно рыбацкие тони передаются из поколения в поколение, но, наверное, не стоило бабушке мешать всех автохтонов в одну кучу. Кажется, это не очень понравилось Банни. Ведь у Банни и Дамплинг самые милые родители в Берч-Парке. Семья Доры никогда не ездит рыбачить. Все-таки Лилии хватает ума не обсуждать Дору за столом.

Конечно же, все видели, что произошло в ту ночь, когда Дора выбежала из дома в сорочке. За ней гнался ее отец по прозвищу Топтыга. Мне кажется, его так окрестили, потому что он вечно поддатый и все шарахается от него, как от медведя. Папа Банни, мистер Моузис, был единственным, кому хватило смелости выйти на улицу усмирить Топтыгу. Мистер Моузис вынес большое шерстяное одеяло, завернул в него Дору и понес к себе в дом, будто она была пушинкой. Топтыга

¹ Коренной народ Аляски, относится к группе индейских народов.

напрасно орал на мистера Моузиса и угрожал ему острым краем разбитой бутылки: тот твердо стоял на месте, защищая дверь, за которой пряталась Дора.

Это продолжалось до тех пор, пока Топтыга не повалился на землю от бессилия. Отец Банни отвел его домой. А все остальные разошлись, будто ничего и не произошло.

Если вы удивляетесь, почему никто не вызвал полицию, значит вы ничего о нас не знаете. Неважно, кто ты — чернокожий, белый, автохтон или индеец, — донос всегда грех. Так или иначе это единственное правило, которое действует для всех бедняков.

Когда бабушка встает из-за стола и отходит подальше, Сельма, сама доброта, наклоняется к Лилии и шепчет: «Мне кажется, еду нам дает Бог, а не отец Майк». Моя сестра отвечает ей лишь слабой улыбкой: она слишком занята тем, чтобы свалить горошек из своей тарелки в тарелку Банни, пока бабушка не смотрит.

Банни мигом проглатывает все горошины, ведь так и должны поступать друзья. Затем они обе вылетают из-за стола, сообщая, что идут к Банни съесть по эскимо, и, прежде чем бабушка успевает возразить, оказываются за дверью.

У Лилии есть Банни, а у меня — Сельма. Именно поэтому у нас еще не поехала крыша от жизни с бабушкой.

Сельма — моя противоположность. Ее появление на свет было не из простых, и наверное, когда ей еще не исполнилось и трех дней, она решила, что у нее

будет прекрасная жизнь, несмотря ни на что. (Ей, конечно, повезло, что она не живет с человеком, который может отрезать ей волосы.) У Сельмы огромные карие глаза, как у тюленя, и по каким-то неведомым причинам она не считает нужным подчиняться общепринятым правилам, поэтому она просто прекрасный друг. Но живет она не в Берч-Парке, и мне об этом напоминает робкий стук в дверь, такой тихий, что бабушка с кухни его не слышит.

Сельма, будто улыбаясь, прищуривает свои большие глаза и произносит беззвучно: «Элис».

Элис иногда заходит за Сельмой, возвращаясь из балетной школы. Они обе живут по ту сторону реки; там в спешке ремонтируют дома и просят заоблачную арендную плату.

Элис высокая и худая, у нее острые скулы и волосы собраны в идеальный пучок. А еще она носит гетры, это, наверное, нормально в балетной школе, но в Берч-Парке, я уверена, думают, что она отрезала рукава свитера и нацепила их на ноги. У нее всегда испуганный вид, когда она заходит за Сельмой. Даже не знаю, что, по ее мнению, с ней здесь может случиться; дальше порога она не проходит.

— Ты готова? — спрашивает она Сельму, едва взглянув на меня.

Сегодня она вошла в дом только потому, что за окном минус двадцать.

— Привет, Элис, — говорю я.

— Привет, — бормочет она в ответ, глядя на лужицы тающего снега вокруг ее ботинок.

— Жалко, что ты не застала Лилию, — говорит Сельма, будто Элис есть до этого дело. — Она хотела

поговорить с тобой по поводу рыбалки. Может, ты бы могла упросить отца взять ее матросом, а у тебя было бы свободное лето.

— Сельма... — видно, что Элис неловко.

— Летом придет человек из одного из лучших танцевальных колледжей, — объясняет мне Сельма, — но Элис не может не поехать рыбачить с отцом, поэтому она пропустит смотр.

— Сельма, — говорит Элис, — твоя мама будет волноваться. Ты же ее знаешь; надо идти.

Сельма с невозмутимым видом натягивает синтетопонные штаны, не подозревая, как неловко себя чувствует ее кузина. Я провожу рукой по волосам и замираю, заметив на себе взгляд Элис. У нее маленькие испуганные глазки, как у птенчика, и я точно знаю, о чем она думает, глядя на меня. Никто из нас никогда не забудет, как бабушка обрезала мне волосы.

«Ю-ху, не видать Элис колледжа», — думаю я, когда она быстро переводит взгляд с меня обратно на пол. По крайней мере, Элис достаточно вежлива, чтобы смутиться. Чего не скажешь о Сельме.

— Не понимаю, почему ты просто не спросишь у папы, — произносит она, с трудом застегивая парку. — Или попроси маму поговорить с ним. Что тут сложного?

Прядки волос в пучке Элис начинают выбиваться из-под невидимок, как будто прическа понемногу разваливается с каждым произнесенным Сельмой словом. Мне ужасно хочется подойти к Элис и закрутить ее, как волчок. Интересно, размоталась бы она тогда вся до самых ярко-розовых гетр?

— Ее родители не особо общаются, — бросает Сельма. Теперь она роется в ящике из-под молока, где

мы храним шапки и старые шерстяные носки, которые надеваем на руки в несколько слоев. Это дешевле, чем покупать варежки.

— Твои на самом верху, — показываю я на пару варежек, которые Сельма связала сама. Их трудно не заметить: большие пальцы в два раза больше, чем нужно, и сами рукавицы кислотно-оранжевого цвета.

При всей моей любви к Сельме я раздражаюсь, когда она бывает рассеянной. Мне вдруг почему-то не терпится выставить Элис за дверь, как и ей самой — уйти.

— Спасибо за ужин, — кричит Сельма бабушке, открыв дверь; Элис буквально прыгает в снежный нанос на крыльце, пытаясь поскорее сбежать. Даже в спешке и панике она остается самым грациозным человеком из всех, кого я когда-либо видела, и мне никак не удастся представить, как Элис потрошит рыбу на вонючей лодке. Сельма улыбается, машет мне на прощание, потом берет Элис под руку, а я смотрю на их тени, удаляющиеся в желтом свете уличных фонарей. И как Сельме удастся нарушать все правила, оставаясь хорошей для всех?

Но, возможно, пришел и мой черед нарушить какое-нибудь правило. Вы же помните, что у меня есть богатый бойфренд? Наши отношения начались после того, как он шлепнул меня по попе мокрым полотенцем во время тренировки в бассейне и спросил: «Хочешь пойти на мою вечеринку после соревнований?»

С того дня мне хотелось только одного — снова остаться у него. Но бабушка позволяет нам ходить в гости с ночевкой не чаще раза в месяц. Так что

до следующего раза мне остаются только поздние телефонные звонки Рею по аппарату, который стоит в прихожей.

Длинный красный провод тянется в мою комнату, где я, накрыв голову его футболкой, слушаю, как он рассказывает мне о северном сиянии за окном: «На небе виднеются яркие сполохи, они отражаются в глади замерзшего озера крупными широкими извилистыми полосами зеленого, красного и желтого цвета».

Мы обсуждаем тренировки, и я слизываю с предплечья хлорку, представляя, что это его предплечье. Он говорит, где мне себя ласкать, и обещает кучу всякой всячины, которая случится, когда я останусь на ночь в следующий раз. Я спрашиваю, почему его семья так любит Ричарда Никсона, а он отвечает, что не знает, но иногда его отец называет президента Хитрый Дик¹. Он говорит, что хочет как-нибудь приехать в Берч-Парк, но я надеюсь, что он просто старается быть вежливым. Я бы умерла, если бы он увидел, где я живу.

— У тебя дома пахнет намного лучше, чем у меня, — говорю я ему.

Я со временем поняла, что в доме, где есть мама, как правило, пахнет лучше. Закрыв глаза, я едва могу припомнить мамины букетики диких цветов в бутылках из-под виски. Мой мозг сохранил лишь слабые воспоминания о запахе родителей, об их смехе и о том, как они кружились по кухне. Все, что я могу о них припомнить — цвет кожи, волос, одежды — имеет оттенок оленьей крови на папиных пальцах. И запах слишком большой любви.

¹ Расхожее прозвище президента Никсона.

Я ничего не рассказываю об этом Рею, у которого есть родители и дом, в котором пахнет новыми вещами. Не хочу его спутнуть.

Наконец мне удается выбраться к Рею с ночевкой, и на этот раз он показывает мне небольшую упаковку из фольги, размером с чайный пакетик, и говорит, что нам стоит воспользоваться этим на всякий случай. Но любой католик знает, что это — самый тяжёлый грех. Спросив меня раз шесть, уверена ли я, что не хочу это использовать, он сдаётся, и вот мы упиваемся друг другом, все глубже погружаясь в водоворот чувств. О том, что это, вероятно, тоже грех, я не думаю. Рей снова и снова называет меня красивой, и вот я уже начинаю верить ему. Первый раз в жизни меня кто-то заметил.

Я засыпаю возле него голая и забываю вернуться в комнату Анны. Вдруг входит миссис Стивенс со стопкой свежестиранных футболок в руках. Уже утро; солнце проникает в комнату сквозь большие оконные стекла, и мне никогда еще не было так стыдно.

— Ой, простите, — говорит она, увидев нас. — Я не хотела вот так вторгаться.

Когда она выходит из комнаты, в ее небесно-голубых глазах я замечаю грусть и, к моему удивлению, чувство вины, будто это ее застукали.

— О боже. Она не злится? — спрашиваю я Рея, натягивая на голову простыню. Если б это была бабушка, мне бы уже заказывали гроб.

Но Рей просто смеется и пытается взобраться на меня.

— А что она скажет? Как будто Анна здесь не потому, что мама занималась тем же в старших классах. Почему, думаешь, ей так рано пришлось выйти замуж?

Он тянется, чтобы дотронуться до моей груди, но я отталкиваю его руку, пытаюсь накинуть ночную рубашку. Меня тошнит, и я все еще вижу голубые-преголубые глаза его мамы, они — море, а я только что отплыла слишком далеко от берега.